

Религиозная жизнь находилась в ведении Томской духовной консистории, открытой в 1834 году. Глава епархии назначался верховной властью по рекомендации Синода.

Духовная консистория, как высший орган церковного управления, ведала всеми делами епархии: личным составом духовенства, строительством церквей и других церковных зданий, хозяйством и финансами церквей; разбирала дела о проступках и преступлениях в среде духовенства, осуществляла контроль над регистрацией браков, рождений и смертей. Кроме того, занималась раскольниками и сектантами, открытием и закрытием приходов, отводом земельных участков для церквей и монастырей, организацией епархиальных съездов.

Строительство церквей в сельских приходах Российской империи осуществлялось под жёстким контролем со стороны государства и Священного синода; на селе строительство велось в основном на средства самих прихожан, без особой помощи казны.

В любом относительно крупном селе имелась своя церковь, выстроенная, как правило, из дерева, ведь основным строительным материалом в Сибири был лес. Возведение же каменных храмов требовало больших денежных затрат и зачастую было неподъёмным для прихожан сельской местности.

К концу XIX – началу XX века на территории современной Кемеровской области насчитывалось около 250 церквей, часовен и молитвенных домов.

СТРОИТЕЛЬСТВО НИКОЛЬСКОГО ХРАМА

Первая деревянная церковь с колокольной была построена в с. Щеглово (Усть-Искитимское) в 1846 году.

Самым почитаемым святым в России был Николай-угодник, Мир Ликийских Чудотворец. Построенную церковь называли в его честь. Она располагалась в самом центре Усть-Искитимского (сейчас на этом месте находится часовня «Всех скорбящих Радосте», напротив областной филармонии).

Пахотной и сенокосной земли при церкви было 99 десятин. Рядом с церковью, справа от улицы Красной, располагался небольшой погост, тянувшийся до самого берега Томи. Кладбище занимало территорию домов, построенных напротив 41-й школы. Место очистили от могил в 60-х годах прошлого века для застройки центра.

В связи со строительством церкви в Усть-Искитимском административный центр волости стал центром самостоятельного церковного прихода, объединявшего более десятка деревень и улусов. Прихожан обоего пола насчитывалось до 3 тысяч душ.

В 1894 году на территории прихода проживало всего три старообрядца. В должности священника

Наталья ИЛЬЯШЕНКО

ИСТОРИЯ НИКОЛЬСКОГО ХРАМА И ПРИХОДА СЕЛА УСТЬ-ИСКИТИМСКОГО, В XIX–XX ВЕКАХ РАСПОЛАГАВШЕГОСЯ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ХРАМА И ПРИХОДА СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ, г. КЕМЕРОВО

СЕЛО УСТЬ-ИСКИТИМСКОЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

В начале XIX века Усть-Искитимское представляло собой достаточно крупный населённый пункт.

В связи с угольными разработками и большим промышленным строительством волостное село Усть-Искитимское стало быстро развиваться и разительно выделяться по уровню своего экономического развития среди окрестных деревень. По воспоминаниям жителей, в начале XX века здесь насчитывалось уже 150–200 дворов, «да за небольшой речкой Искитимкой ещё дворов 40–50». Это были Зареченские улицы, которые жители называли – Заречки. Общее количество жителей – примерно полторы тысячи человек.

По официальным сведениям на 1911 год, в селе была церковь, волостное правление, сельское училище, хлебозапасный магазин, два склада земледельческих орудий, пять мануфактурных и две мелочные лавки, казённая винная лавка, два погреба рейнсовых вин (т. е. с берегов Рейна), пивной склад, паровая мельница, кожевенный завод, пароходная пристань. Дважды в год проводились большие ярмарки, еженедельно – по пятницам и субботам – базар.

В Усть-Искитимском работало сельское училище Министерства внутренних дел, срок обучения в котором составлял три года. Одним из предметов в училище был Закон Божий, преподавал который сельский священник. Наполняемость в классах была небольшой. В 1882 году здесь учились 22 мальчика и 2 девочки, в 1903-м – 34 мальчика и 9 девочек.

150



Щегловской старообрядческой общины Кузнецкого уезда в 1914 году утверждён К. И. Бажанов, но сама община официально зарегистрирована не была.

В штате Никольского прихода были священник, дьякон и псаломщик.

Время шло. За 44 года службы деревянное здание церкви сильно обветшало и требовало капитального ремонта или замены.

Строительство новой деревянной церкви на каменном фундаменте было разрешено и начато в 1890-м, окончено в 1895 году.

Старое здание оставалось стоять рядом с новым храмом, в 1907 году оно было продано.

В село для работы приезжали новые жители, и приход Никольского храма значительно увеличился. Церковь перестала вмещать всех верующих.

16 декабря 1912 года настоятель храма священник Павел Введенский собрал приходской сход, на котором было решено просить епархиальное начальство разрешить увеличить площадь храма: «Расширить в ширину на 10 аршин и в длину на 10 аршин, средства на расширение употребить из имеющегося церковного капитала – шесть тысяч рублей, из которых потратить сколько потребуется».

На сходе присутствовало около 60 человек из числа верующих, приглашённых со всей территории прихода. Это были представители десяти деревень. Документ подписали все верующие. За неграмотных представителей подписи поставили их товарищи, присутствующие на сходе.

23 февраля 1913 года благочинный 7-го округа священник Виктор Лавров подтвердил, что храм маловместителен, «тем более что на поклонение местночтимой иконе Святителя и Чудотворца Николая бывало по времени значительное стечение народа и из соседних приходов». Расширение храма было разрешено Томской духовной консисторией 5 марта 1913 года.

7 апреля 1913 года был сформирован и позже утверждён строительный комитет, председателем которого выбран настоятель храма священник Павел Введенский, товарищем председателя – барнаульский мещанин Михаил Георгиевич Домрачев,

казначеем – церковный староста Евгений Дмитриевич Балаганский. В состав комитета вошли и крестьяне деревень.

Комитет разработал и утвердил внешний облик храма. Он и стал главным храмом будущего города.

Но побывавший в селе 12 мая 1915 года епископ Томский и Алтайский Анатолий остался недоволен храмом, который «довольно поместителен и благолепен для всякого другого села, но для такого, как Усть-Искитимское, когда таковыя сёла во внутренних губерниях украшаются каменными громадными, благолепными храмами, – убог».

Епископ также обратил внимание на снижение у населения общего уровня духовности. «Появился пришлый элемент в среде рабочих – тип обычного сибирского шахтёра, человека, до отупения работающего, пока он (находится) там, в шахтах, под землёй, и до потери человеческого облика пьянствующего, хулиганствующего в часы свободы, человека, для которого нет ничего святого. Отсюда, от этого грязного источника заразы, появился и заходил и между коренными жителями селения, – прежде в простоте сердца своего веровавшими глубоко в Бога, чтившими строго, до склонности к старообрядчеству, уставы святой Христовой церкви, – жалкий, дешёвый либерализм, лёгкое отношение к постам, подчас хульные речи о Христовой святыне, усиление пьянства», – с горечью отмечалось архипастырем в описании своего путешествия.

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

Начался переломный период в истории Российского государства: крушение империи, смена преемственности, многовластие...

В 1917–1920 годах власть в Сибири менялась пять раз.

Во второй половине 1919 года власть А. В. Колчака не была устойчивой. Действия колчаковцев, произвол, порки, расстрелы, насилие над женщинами способствовали росту красного партизанского движения. Но и здесь наблюдался не меньший произвол, хотя в советской историографии об этом не было принято писать.

Попытаемся восстановить события, произошедшие 21 декабря 1919 года, по сохранившимся письменным воспоминаниям свидетельницы случившегося жительницы города Щегловска Зои Николаевны Сайдашевой, дочери щегловского купца Вейса.

«Была в селе церковь, стоявшая на бугорке по Николаевской улице. Когда мы приехали, священником был Рыжкин Александр, потом отец Кузьма Семёнов, пьяница несусветный, имел семерых детей: Пётр, Мария, Екатерина, Анна, Глафира, Костя, Валентин. <...>

157



шеви́стские настроения и больше симпатизировавших белому движению, чем советской власти. По всему Кузбассу прокатилась первая волна террора против духовенства. Зачистку от белогвардейцев и всех, кто помогал А. В. Колчаку, вели партизанские отряды под руководством П. К. Лубкова, Г. Ф. Рогова и др.

В 1920–1922 годах повсеместно в Сибири во исполнение Декрета «Об отделении церкви от государства» прошла реквизиция зданий, земли, капиталов и имущества.

Во многие города Томской епархии, в том числе и в Щегловск, губревком отправил телеграммы с требованием срочно предоставить сведения о наличии в этих городах храмов, их вместимости, фактической посещаемости прихожанами и возможном отношении местного населения к «утилизации церковей на общепользные нужды».

Но, как оказалось, почти все церковные здания находились в плачевном состоянии, были ветхими и никуда не годными. После грабежей храмов бандитами-роговцами никакого имущества в них не осталось. Изымать фактически было нечего.

В этот период на территории Кузбасса получили распространение обновленческий и позже григорианский расколы. Часть приходов земли Кузнецкой попала в зависимость от Сибирского областного церковного управления (Сиб. ОЦУ) – Обновленческой церкви Сибири.

В Щегловске начали действовать обновленческие «епископы»: Василий Виноградов, Иоанн Завадовский, Николай Наганов, Владимир Сычѳв.

СУДЬБА НИКОЛЬСКОГО ХРАМА В ПЕРИОД ОБНОВЛЕНЧЕСТВА

Службы в храме возобновились приблизительно в 1920–1921 годах. Вместо сгоревшего деревянного здания на уцелевшем каменном фундаменте построили новое. О гибели членов причта остались лишь воспоминания свидетелей событий. Все документы о тех, кто служил в храме до пожара, утрачены в огне.

Сохранилось подробное описание всего имущества Никольской церкви села Усть-Искитимского (ещѳ до раздела церкви на обновленцев и староцерковников). Оно датировано 1921 годом.

В 1922 году Никольский приход, как и большинство приходов Томской епархии, перешѳл в лоно обновленческой церкви.

В конце 1925 года в Никольском приходе выделилась группа последователей канонической церкви – «тихоновцев». Их из общины исключили, здание храма и культовое имущество по договору было сдано обновленцам.

«Тихоновцы» зарегистрировались как вновь возникшая община в количестве 140 человек. В доку-

Вскоре в Щегловск пришѳл отряд Рогова. Это было ранним утром 7 декабря 1919 г. (по старому стилю). Я с мужем в это время находилась в доме Сайдашевых, нас пригласили там подоумвничать, т. к. брат Алексей Алексеевич уехал с женой (вернее, скрылся) в Томск.

Белые из Щегловска стали отступать 4 декабря. Непрерывным потоком они шли через деревни Кемерово, Красное, Сухово, Боровушка, Осиновка – на Мариинск.

Как мне запомнилось, Рогов вошѳл в Щегловск со стороны Сухово, во всяком случае, те конные, которых я увидела. Из окна квартиры мы увидели, что двое конных повели в церковь псаломщика Альтова. Когда он открыл дверь, то они заехали в неѳ прямо на лошадях. К ним присоединились и другие конные.

Мы, увидев это, поразились: кто же это такой? <...>

Потом мы увидели, как из церкви выехали конные, на лошадях были надеты ризы и на роговцах. Один держал крест и чашу святую. Увидели, что церковь задымилась, а потом вспыхнула и запылала. <...>

Роговцы сожгли Василия Иванова (Ваську Хрипатога). Мать моя видела, как его казнили. Вели его из-под Искитимки к церкви в одном белье, босого. Против дома Домрачева, напротив церкви, они разожгли костѳр из бумаги (церковные книги, какой-то архив из дома Домрачева) и штыками толкнули в костѳр Ваську. Он сгорел. Убили роговцы и священника, разрубив его на несколько частей в церковной ограде. Рассказывали потом такие подробности: роговцы священника этого вначале отпустили, не хотели казнить, т. к. люди о нем отзывались хорошо. Тогда они отпустили его, но обыскали его дом. При обыске обнаружили золотой крест, чей-то подарок. Взяли его, а священник попросил не брать крест. Они взяли и зарубили попа».

ИЗМЕНЕНИЯ В ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

С 1919 года в Сибири начались преследования священнослужителей, поддерживающих антиболь-

152

ментах встречаются разные её наименования: «Православно-каноническая община Никольской церкви «Староцерковники», «Община на канонических началах православно верующих христиан староцерковников» и др.

Верующие новой зарегистрированной общины молились сначала в доме Т. Е. Сенникова, а с 1927 года – в молитвенном доме, который предположительно располагался за нынешним кинотеатром «Космос», на улице Чапаева, 27. В 1927-м по этому адресу располагался квартал 211, места 6 и 7 (или же 5 и 6), позже – улица Крестьянская, 17 (по другим же источникам, номер дома – 21), а с 1937 года – ул. Чапаева, 27.

Молитвенный дом тоже освятили в честь свт. Николая, архиепископа Мир Ликийских. Дом был «деревянный, крытый тёсом, на два ската, колокольни и купола нет, о четырёх дверях, окна без решёток».

Впоследствии община стала григорианской. Церковь была закрыта в 1939 году.

СУДЬБА НИКОЛЬСКОЙ ОБНОВЛЕНЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

29 июня 1937 года были одновременно арестованы настоятель церкви Николай Хрущёв и дьякон Николай Перепёлкин. Религиозные обряды с этого времени перестали проводиться. А далее власти сделали всё возможное, чтобы новый священнослужитель не был зарегистрирован.

В начале сентября 1939-го договор с общиной расторгли. Помещение по назначению больше не использовалось. Горсовет возбудил ходатайство перед облисполкомом о закрытии церкви и переоборудовании её для других целей.

Здание передали «Заготзерну». Те приспособили помещение бывшей церкви для хранения хлеба. Располагалась здесь и бондарная мастерская.

Интересно, что при подаче заявления церковного совета о закрытии церкви дело I Никольской обновленческой церкви было похищено прямо из горсовета.

Произошло следующее. Староста I Никольской обновленческой общины Дарья Степановна Втюрина пришла в горсовет в отдел рассмотрения жалоб, для того чтобы узнать о порядке закрытия церкви. С ней работал М. И. Володин. Бывший староста прихода, Тихон Афанасьевич Юдин, который в это время служил швейцаром в горсовете, поинтересовался у Володина о цели визита Втюриной. Через несколько дней обнаружилось, что дело Никольской церкви пропало.

По этому вопросу был составлен акт от 10 марта 1938 года, в котором был указан подозреваемый – Т. А. Юдин, обвинённый и уволенный вскоре за хищение документов. При этом никаких доказательств предоставлено не было.

После «горячего» разбирательства с зампредом горсовета Байдиным было решено передать дело следственным органам для привлечения Юдина к уголовной ответственности за клевету на Байдина, за очернение проверенного члена партии и обвинение его в хулиганских действиях.

Сам Байдин предположил, что, боясь разоблачения, Юдин мог похитить дело, чтобы сорвать ликвидацию общины.

Однако ещё в 1933 году Юдин сам выступал за закрытие церкви, о чём осталось документальное подтверждение: «Просим о ликвидации обновленческой церкви и присоединении её к староцерковникам, в силу того, что в обновленческой церкви очень мало бывает молящихся и расходы по содержанию церкви не оправдываются (отопление, освещение, налоги и пр.). Наоборот, в староцерковнической всегда бывает много верующих, и, кроме того, со священнослужителями-обновленцами часто у церковного совета бывают недоразумения, особенно в части хранения культового имущества и материалов. Священники вмешиваются в хозяйственную часть церкви, являются в церковь в нетрезвом виде. Все это вынуждает просить о ликвидации обновленческой церкви. Тихон Юдин».

Отношения Юдина и Втюриной оставляли желать лучшего. Конфликт не способствовал разрешению ситуации. Для Юдина он сыграл скорее трагическую роль. Как сложилась его дальнейшая судьба, неизвестно. Хочется надеяться, что не очень драматично.

Виновник хищения документов так и не был найден. А судьба церкви была predetermined в первую очередь внешними политическими силами.

В 1940 году церковь закрыли окончательно, уже на областном уровне, а здание передали гороно для нужд школы, которая была построена рядом с храмом.

Здание церкви ещё некоторое время использовалось как бондарная мастерская «Союзплодоовощ». Позже его приспособили под склад школы № 41.

В другой части бывшей церкви проживал сторож азотно-тукового завода (ныне «Химпром»).

ОТГОЛОСКИ БЫЛЫХ ВРЕМЁН

Со времён Гражданской войны прошло сто лет. Кемерово превратилось в большой индустриальный центр России, сердце Кемеровской области. Город вырос и похорошел. В областном центре теперь построено 45 православных храмов, тысячи верующих регулярно посещают богослужения.

А на месте самого первого, Никольского храма сейчас стоит часовня Божией Матери «Всех скорбящих Радосте», в которой свято чтут память погибших шахтёров Кузнецкого края.

Есть у часовни и своя легенда, которую передают из уст в уста в разных интерпретациях. Краеведов-исследователей ещё ждёт работа по установлению истины. А пока расскажем эту легенду.

Однажды в 2015 году в часовню «Всех скорбящих Радосте» зашли люди. Они принесли с собой старинную икону, с которой смотрел лик св. угодника Божия Николая. Видно было, что икона старинная, с облупившейся, потускневшей краской. Посередине иконы большая трещина. «От топора», – пояснили люди. И рассказали историю реликвии:

«Наш дед Ефимий, будучи еще ребёнком, стал очевидцем событий, произошедших в селе Усть-Искитимском в 1919 году. Тогда в этих местах лютовали банды красного террориста, партизана Рогова. Они грабили и лишали жизни тех, кто, по их мнению, был неугоден советской власти. Бесчинствовали, одним словом.

Дед Ефимий рассказывал, что зимой 1919 года, после набега молодчиков банды Рогова, ему удалось найти и вынести с территории Никольского храма старинную икону, разрушенную «мстителями» топором.

Мальчишка принёс икону домой, подремонтировал и всю жизнь молился на неё. В те далекие богорборческие времена он хранил святыню, оберегая от чужих глаз.

Прошло много лет. Деду пришла пора помирать. Перед смертью он просил нас, его родных, передать эту икону в часовню, которая стоит в том самом месте, где раньше был Никольский храм».

Так икона из старого храма оказалась в часовне. Её привели в порядок, сделали новый оклад, повесили на видное место. Теперь святой Николай просит Господа обо всех, кто обращается к нему с молитвой: «Святой Николай – угодник Божий, моли Бога о нас, грешных, и об упокоении раба Божиего Ефимия, вернувшего людям святую икону!»

Вот такая легенда о старинной иконе. Хотелось бы надеяться, что это та самая чудотворная икона, что висела когда-то в самом первом Никольском храме, построенном в селе Усть-Искитимском в XIX веке.

В заключение автор выражает глубокую признательность старшему научному сотруднику КГА Кемеровской области кандидату исторических наук Алексею Михайловичу Адаменко за предоставленные архивные материалы, найденные и систематизированные учёным за 10 лет работы в архивах. Без этих материалов написание статьи было бы невозможно.

Консультативную помощь оказал председатель комиссии по канонизации святых Кемеровской епархии протоиерей Максим Мальцев.

Активное содействие, всяческая помощь и поддержка были получены от краеведа Марии Александровны Челомбитко, много лет проработавшей в епархиальном Музее истории православия на земле Кузнецкой.

Все эти люди и являются настоящими авторами данного исторического исследования.

157

